УДК 93.94

МУСУЛЬМАНСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ОСМЫСЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И ЕГО НАПРАВЛЕННОСТИ В НАЧАЛЕ XX В.

В.А. Матвеев

ISLAM IN THE NORTH CAUCASUS: COMPREHENSION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN ORIENTAL STUDIES AND ITS FOCUS IN THE EARLY 20th CENTURY

V.A. Matveyev

Аннотация. В статье представлен результат исследования исторического опыта поиска возможностей обеспечения интеграции исповедовавших ислам подданных Российской империи. Для этого собирались, как известно, не только необходимые сведения о конфессиональной специфике, но и о традициях. Анализу подвергается прежде всего состояние знаний в различные периоды накопления в отечественном востоковедении и кавказоведении при формировании государственного единства иноэтнических сообществ Северного Кавказа с Россией. Опираясь на выводы чиновников администрации и ученых, исследовавших обычное право горцев в XIX в., автор впервые вводит в оборот понятие российской рецепции, отмечая ее отличие от европейской.

Сближению способствовало, по его мнению, сочетание подходов со ставкой на традиционализм и мусульманскую составляющую. Накопленные знания об исламе имели немаловажное значение для достижения цивилизационной совместимости. Поскольку ислам имеет единую каноническую основу, его соотнесение с какой-либо из этнических общностей недопустимо. Подобно буддизму и христианству, эта мировая религия не предполагает такого рода сегментации. «Российское мусульманство» как идентифицирующее обозначение отражает складывающуюся реальность складывания сограждaнства. Изучение его специфики на Северном Кавказе продолжалось и в непростых условиях революционного кризиса и гражданской войны в России 1917–1920 гг.

Abstract. The article presents the result of the study of historical experience of searching for opportunities to ensure the integration of subjects of the Russian Empire professing Islam. For this, as is known, not only the necessary information about confessional specifics, but also about traditions was collected. First of all, the state of knowledge in different periods of accumulation in Russian oriental studies and Caucasian studies during the formation of state unity of other ethnic communities of the North Caucasus with Russia is subjected to analysis. Based on the conclusions of administration officials and scientists who studied the customary law of the mountaineers in the 19th century, the author for the first time introduces the concept of Russian reception noting its difference from the European one.

The rapprochement was facilitated, in author's opinion, by a combination of approaches with a focus on traditionalism and the Muslim component. The accumulated knowledge about Islam was of no small importance for achieving civilizational compatibility. Since Islam has a single canonical basis, its correlation with any of the ethnic communities is inadmissible. Like Buddhism and Christianity, this world religion does

not imply this kind of segmentation. "Russian Islam" as an identifying designation reflects the emerging reality of the emergence of co-citizenship. The study of its specificity in the North Caucasus continued in the difficult conditions of the revolutionary crisis and the civil war in Russia in 1917–1920.

Ключевые слова: отечественное востоковедение и кавказоведение, рецепция обычного права, исламская культура, российское мусульманство, Племенная комиссия, Академия наук, цивилизационное совмещение.

Keywords: Russian oriental and Caucasian studies, reception of customary law, Islamic culture, Russian Islam, Tribal Commission, Academy of Sciences, civilizational convergence.

Когда именно в России стал проявляться интерес к познанию мусульманского вероучения, наукой не установлено. Переводы Корана в ее пределах имели между тем востребованность еще во второй половине XVII в. Производились они в тот промежуток времени с польских изданий. Как бы там ни было, но «Алкоран Махметов» приобретали для своих частных библиотек видные государственные деятели [1, с. 346], хотя знакомство с его содержанием, судя по всему, было еще не столь распространенным. Однако перевод на русский язык 1716 г. получил уже более широкую востребованность [2, с. 31–32]. В связи с возникшим намерением ознакомиться с основами исламского вероучения во время совершения Каспийского похода в 1722 г. Петр I распорядился один из имевшихся в Петербурге вариантов доставить ему в Астрахань.

Издания Корана в России предпринимались и в дальнейшем. Наряду с религиозной спецификой включавшихся в состав империи южных ареалов с мусульманским населением изучался «быт, традиции… различных кавказских племен» [3, с. 41–42, 45]. На необходимость использования такой осведомленности для обеспечения результативности проводившейся политики обращалось, в частности, внимание в докладной записке министра финансов графа Канкрина, поданной Николаю I еще в начале его государственной деятельности в 1825 г. [3, с. 41–42, 45]. В освоении исламской культуры, по существовавшему признанию, Россия занимала в XIX в. лидирующие позиции [4, с. 32].

Складывалось же оно как составная часть русского востоковедения. Достижения его в свое время получили и мировое признание. Необходимо заметить, что академик В.В. Бартольд в историографическом обзоре в энциклопедическом словаре «Россия» наряду с ними отмечал и недостатки, выразившиеся в наличии отдельных поверхностных работ. Во всем остальном русское востоковедение, по его мнению, соответствовало высоким критериям [5, с. 812–813]. Многолетнее изучение политики в субъектах Российской империи с мусульманским населением позволило В.В. Бартольду отметить наличие в ней критерия веротерпимости. Выдерживался он так или иначе, согласно выводу ученого, в отношении всех отечественных конфессий. Осуществление же такого подхода,

по сложившемуся у В.В. Бартольда представлению, наметилось с периода правления Екатерины II [6].

В среде отечественных ученых существовал устойчивый настрой на глубокое познание и понимание культурных ценностей народов Востока, сыгравший немаловажную роль в установлении государственного единства относившихся к нему окраин с Россией. Соответствующее объективное восприятие формировали не только русские ученые, но и соотечественники мусульмане. К занимавшим административные должности представителям окраин поступали просьбы производить «собирание песен, сказок, преданий и пословиц», а также различные исторические сведения о своих народах. Вместе с тем давались советы выявленный материал разделять «по смыслу… на тетради», как это было принято при различных систематизациях в XIX в. Записывать же предлагалось в том числе «имена прославившихся в степи богатырей в древние и новые времена» [7, с. 30].

При обращении по данному поводу, например, к «старшему султану» одного из округов российской Азии «правящий должность пограничного начальника» полковник М.В. Ладыженский просил употребить все зависевшие от него «средства, чтобы дело это было окончено сколь возможно в непродолжительном времени с надлежащей полностью» [7, с. 31]. Отечественное востоковедение в середине XIX в. сбором сведений об азиатской периферии и ее мусульманском населении обогатил Ч.Ч. Валиханов [8, с. 3], сын выполнявшего данное поручение М.В. Ладыженского чиновника. Являясь казахом по «национальности», в душе он считал себя русским [9, с. 60].

Окончив Сибирский кадетский корпус в г. Омске, Ч.Ч. Валиханов оказывал содействие в проведении «научно-исследовательских работ в Степи». Наряду с этим он проводил самостоятельные поиски, собирая необходимые для управленческих структур различные «статистические сведения». Ч.Ч. Валиханов продолжал также начатую отцом запись «народных преданий, поверий, легенд». Наряду с этим он помогал организовывать в Петербурге и Москве этнографические выставки, направляя туда предметы и другие материалы [8, с. 5]. Участие Ч.Ч. Валиханов принимал и в научных экспедициях. Немалый вклад он внес вместе с тем в изучение состояния религиозности на «мусульманском Востоке» [8, с. 166–167]. С учетом знания специфики Ч.Ч. Валиханов привлекался на службу в Ученом комитете Генерального штаба [7, с. 61–70], Азиатский департамент министерства иностранных дел [7, с. 71–91], получил рекомендацию известного ученого П. Семенова в действительные члены Русского географического общества [10, с. 408].

Важнейшей составной частью русского востоковедения становилось и кавказоведение. Изначально в нем определились, наряду с изучением мусульманства, и другие не менее важные сегменты. Представителями русской власти на Кавказе с 40-х гг. XIX в. проводился также сбор сведений о традиционных обычаях горцев и возможности их использования наряду с шариатом. Инициировано это было местным управлением мирными горцами.

Изучение содержавших более ранние религиозные привязанности «народных обыкновений» также расширяло и обогащало знания об обретавших российское подданство народах Северного Кавказа.

В 1841–1842 гг. составляются даже специальные обоснования «необходимости подробно изучать обычное право горцев», изложенные в докладах заведующего канцелярией этого ведомства подполковника Бибикова. Они были направлены главнокомандующему на Кавказе Головину для принятия соответствующих решений. При его содействии вырабатывается для всего края программа, по которой и должно было производиться в дальнейшем «собирание адатов» [3, с. 45]. Воплощение же в них находили укоренившиеся традиционные нормы, основывавшиеся на более ранних религиозных представлениях.

К составлению записей привлекались штабные офицеры и представители местных судов. В их обязанности вменялось проведение опросов стариков, имевших осведомленность об адатах своих народов [3, с. 45]. Нередко сбор преданий наталкивался на недоверие, а в ряде случаев и на языковые барьеры, создававшие препятствия для качественного отображения получаемой информации. Однако, несмотря на встречавшуюся неподготовленность участников опросов, сбор сведений о народных обычаях у «туземного населения» Северного Кавказа рассматривался тогда как важное мероприятие, «требующее весьма большой заботливости, продолжительных и постоянных занятий» [3, с. 46–47]. При таком подходе в результате с разной степенью полноты адаты еще по ходу Кавказской войны были изучены у большинства иноэтнических сообществ края [3, с. 46–47]. Подтверждением этому служат составленные описания обычаев российскими чиновниками [3, с. 47–48].

Обычаи (адаты) привлекли внимание ответственных за проводившуюся политику русских администраторов прежде всего с точки зрения возможности использования их в качестве привычных правовых норм при организации системы управления на Северном Кавказе. Сбор соответствующих сведений и их первую научную обработку предпринял Ф.И. Леонтович. Изучение обычного права производилось и по отдельным народам. М.М. Ковалевский обобщил, например, сведения о специфике его в среде осетин [11, с. 315–316], а Б.В. Миллер – у карачаевцев [12]. Это не что иное, как явление рецепции, усвоения обычного права, примененное при включении иноэтнических ареалов Северного Кавказа в систему управления империей.

Если рецепция римского права, наблюдавшаяся при культурном подъеме в Западной Европе на рубеже XI–XII вв., была связана с восприятием стандартов более совершенного юридического опыта, то российский аналог этого явления на восточных окраинах имел направленность на освоение существовавшего для недопущения резких перемен в сфере сложившихся традиций. Изучавшиеся представителями русской администрации и учеными «народные обыкновения» (адаты) являлись так или иначе отражением альтернативных исламу норм, имевших ретроспективную религиозную предопределенность.

В среде горцев они, несмотря ни на что, устойчиво сохранялись и имели широкую распространенность. Издание собраний сведений об адатах продолжилось и после окончания вооруженного противостояния в крае.

Так, в 1864 г. выпущены «Краткое описание обычаев, существовавших между туземцами Ингушского округа» и «Сборник адатов жителей Нагорного округа», а в 1865 г. – сборники адатов у осетин и кумыков [3, с. 48]. Рецепция (усвоение) обычного права туземных обществ северокавказской окраины, таким образом, проводилась российской администрацией систематически и имела нацеленность на конечный результат, находивший воплощение не только в практических решениях, но и в публикациях. Это и позволяло осуществлять управление с опорой на знание местной специфики. Необходимостью ее выявления как раз и объясняется осторожность, с которой представители русской власти подходили к определению сословных привилегий [13, с. 74].

Спектр интеллектуального освоения культуры исповедовавших ислам народов окраин отечественного Востока, в том числе и Кавказа, во второй половине XIX в. отличался разнообразием и широтой. Это касается всех подразделений ориенталистики. Достижения востоковедения и кавказоведения так или иначе соответствовали конкретным запросам интеграционного сближения, происходившего в составе Российской империи. Однако с завершением процесса формирования ее территориальных пределов наметилось некоторое ослабление интереса к соответствующим знаниям со стороны государства. Сокращаются и параметры востоковедческого образования.

Изучение ислама в отечественном востоковедении имело также направленность на обеспечение государственных потребностей. С такой же направленностью появлялись вместе с тем ознакомительные публикации о мусульманстве. Подтверждением этому являются различные издания в доступной форме заметок об основах вероучения [14]. Одна из таких версий изложена, в частности, в «Письмах о Магометанстве», поводом к составлению которых, как можно судить по вступлению к первому, послужили сетования при встрече в Тифлисе 16 марта 1847 г. на «затруднительное… положение», испытываемое в соответствующих кругах поставленным «начальствовать» представителем русской администрации, когда заходила «речь о вере» [14, с. 1].

За разъяснениями он обратился к православному священнику, обладавшему соответствующими познаниями. Ответы давались постепенно в каждом из писем. Автор составлял их, «помня слышанные… вопросы», и старался «удовлетворять им, основываясь на истинах веры» [14, с. 4]. Задававшему при встрече вопросы администратору первое письмо предоставлено сразу же, как только он обратился с просьбой. Следующие послания в 1847 г., согласно проставленным датировкам, последовали 20 июля из Петербурга и 24 декабря – Сергеевой пустыни [14, с. 59]. Затем адресату на Кавказ с 20 марта 1848 г. они снова отправлялись из российской столицы [14, с. 141]. Последнее, седьмое письмо, автор послал 10 апреля того же года из Москвы [14, с. 159]. Наложенная же 20 мая 1848 г. резолюция с разрешением публикации свидетельствует

о быстроте издания «Писем о Магометанстве» отдельной книгой. Продиктовано это было пониманием необходимости ознакомления с основами исламского вероучения более широкого круга читателей.

Разрешение к печати «Писем о Магометанстве» сопровождалось требованием предоставить «по отпечатании… в Цензурный Комитет узаконенное число экземпляров». Проставлена и дата, когда оно последовало: «Мая 20 дня, 1848 года». В данном фрагменте помечено и то, что предоставлялось оно типографии III отделения «собственно Его Императорского Величества канцелярии». Резолюцию «печать позволяется» наложил «От Санктпетербургской Духовной Цензуры… Архимандрит Аввакум» [14, с. 2]. Надзор таких подразделений Синода в Российской империи и на местах устанавливался для книг только религиозного содержания и предназначался в том числе для противодействия образованию сект во всех без исключения конфессиях [15, с. 150].

Несмотря на полемичность описаний, автор «Писем о Магометанстве» отвергает малейшую возможность оскорбить соотечественников другой веры «не только словом, но даже неприятным для них помыслом», так как «дело касается» основанного на религиозной убежденности мировоззрения «близкого их сердцу». По его признанию, «одна только искренняя к ним любовь побуждает… говорить» [14, с. 4]. В прилагавшихся комментариях об исламе для тех, кто поставлен управлять Кавказом, содержалось разъяснение, что «строгое исполнение нравственных правил Корана, в котором есть… много назидательного», должны сделать каждого подданного этой российской окраины «прежде искренним Магометанином». По наставлению автора писем, сближение может происходить и под влиянием получаемого образования [14, с. 7–8]. По цитировавшимся в них сюжетам прослеживается вместе с тем знание содержания Корана [14, с. 90, 100, 106].

Изучение ислама в Российской империи продолжалось и во второй половине XIX. Немалый вклад, необходимый для объективного понимания явления «русского мусульманства», вносили и исламские богословы. В изданных отдельной брошюрой заметках о нем (1881) крымско-татарский просветитель Исмаил бей Гаспринский одним из первых изложил те идеи, которые впоследствии определили содержание теории евразийства. Согласно его точке зрения соединение с Востоком «охраняло Русь от более сильных тонко рассчитанных чужеземных влияний и, своеобразным характером своим способствовало к выработке идеи единства Руси, воплотившейся в первый раз на Куликовом поле» [16, с. 259]. Существовавшие во второй половине XIX в. границы империи Исмаил бей Гаспринский рассматривал в том числе как «наследие татар» [16, с. 258].

Несмотря на происходившее накопление знаний, при расширении в начале XX в. панисламистской пропаганды в субъектах Российской империи с соответствующим составом населения на правительственном уровне признавалось наличие при выработке мер противодействия недостаточной все же

осведомленности «относительно внутренних эволюций русского мусульманского мира за последние десятилетия». Констатация такого рода содержалась, в частности, в записке П.А. Столыпина, представленной на ознакомление специального правительственного совещания 15 января 1911 г. [17, с. 320].

Для исправления положения в ней намечались меры по государственному обеспечению надлежащей «осведомленности в… мусульманском вопросе». Изменение создавшейся ситуации предполагалось «систематическим практическим изучением», проведением целенаправленных наблюдений «на местах» и «научною разработкою» связанной с исламом тематики, а также «периодическим обменом… мнений» представителей управленческих структур. Получаемые результаты предусматривалось сопровождать «всесторонним освещением… в печати». Вместе с тем признавалась настоятельная необходимость в установлении более тесного взаимодействия всех имеющих причастность к выработке подходов по совершенствованию политики в отношении исповедовавших ислам подданных. Обращалось внимание и на необходимость углубленного «изучения русского мусульманского Востока соответственным расширением подлежащих факультетов… Петербургского и Казанского университетов» [17, с. 326].

Существовавшие же «на миссионерском отделении Казанской духовной академии» кафедры восточных языков в записке П.А. Столыпина «по мусульманскому вопросу» от 15 января 1911 г. предлагалось «пополнить учреждением кафедр местных инородческих наречий, для приобретения учащимися практических знаний этих наречий» [17, с. 327]. Наряду с другими просветительскими мерами намечалось также «составить и издать краткий очерк мусульманства». Полемические же публикации рекомендовалось выдерживать исключительно «в духе христианских мира и любви» [17, с. 328].

Между тем проявлявшийся в реальности интеграционный потенциал отечественного мусульманства в записке П.А. Столыпина, как можно судить по ряду оценочных суждений в содержании, недооценивался. Об этом, в частности, свидетельствует рекомендация поручить имевшим богословскую образованность православным авторам написание «обличительного катехизиса мусульманского учения с назначением премий за лучшие сочинения» [17, с. 328]. Осознание необходимости расширения объемов востоковедческого образования, после предпринятых ранее сокращений, таким образом, вновь появилось. Во «Всеподданнейшем отчете за восемь лет управления Кавказом» наместником его императорского величества И.И. Воронцовым-Дашковым, наряду с выделенными благоприятными для интеграции изменениями в конфессиональной сфере, обосновывается и необходимость повышения уровня образованности мусульманского духовенства (1913) [18].

Недостаток знаний об отечественном мусульманстве обнаружился в очередной раз в условиях, когда накануне и с началом первой мировой войны на окраинах отечественного Востока усилилась панисламистская пропаганда. В связи с обозначившимися в 1914 г. геополитическими угрозами и по другим

направлениям в Российскую императорскую академию наук поступил официальный заказ на сбор сведений о составе населения и конфессиональной специфике различных входивших в состав государства субъектов.

Для организации исследований выделялась соответствующая финансовая поддержка. Задания сводились к составлению на их основе необходимых систематизированных описаний о расселении и численности входивших в состав государства народов. В Российской императорской академии наук в связи с этим была образована Племенная комиссия, развернувшая напряженную многоплановую работу. Исследования ее были направлены главным образом на подготовку необходимых пояснительных записок и карт расселения для ожидаемой конференции по окончании войны [19, л. 27].

Состояние знаний об этническом и религиозном составе населения в ряде южных субъектах Российской империи в тот период прослеживается по справочным сопровождениям к расписанию «царского поезда», предоставленного императору Николаю II для ознакомления с местной спецификой по пути следования состава на Кавказский фронт в конце ноября 1914 г. [20, л. 169–169-об]. Составлялись они в виде кратких справочных сведений. Содержали сведения об исповедовавших ислам подданных и отпечатанные в существовавших при губернских и областных правлениях типографиях буклеты, которые подавались монарху также на станциях в административных центрах. В них указывался «племенной состав», численность населения, конфессиональная принадлежность (исповедания) [20, л. 252, 253-об; 21, л. 59-об–60] и т. д. Иные данные о региональных особенностях отсутствовали. Не затрагивалась в том числе тема усилившейся для дестабилизации тыла Кавказской армии панисламистской пропаганды.

Деятельность же Племенной комиссии преимущественно определялась в преобладающей степени перспективами созыва международной конференции для выработки условий мира [22, л. 2–3]. Об огромном значении, которое придавалось трудам комиссии, свидетельствует и то, что в ее состав были включены лучшие отечественные ученые: председателем являлся известный востоковед, специалист по российскому и зарубежному буддизму, академик С.Ф. Ольденберг, от Кавказа в нее входил академик Н.Я. Марр и др. [22, л. 3]. Для повышения эффективности работы созданного дополнительно к существовавшим академического подразделения налаживалось тесное взаимодействие с комиссией при Русском географическом обществе, уже занимавшейся составлением этнографической карты России и располагавшей частью необходимой информации. Несмотря на это, упущения в изучении специфики этнического и конфессионального состава населения в субъектах Российской империи продолжали сказываться [22, л. 3–4].

Оценивая исследования, проведенные Племенной комиссией в 1914–1917 гг., Министерство внутренних дел, ранее периодически производившее сбор информации о народах российских окраин и неплохо осведомленное о действительном положении на этом направлении, констатировало, что они

«восполняют собою… пустое место» [22, л. 2]. В данном резюме, безусловно, есть и доля преувеличения, свойственная тем, кто по роду деятельности призван выявлять подтверждения об угрозах. Но в этом министерстве существовало специализированные подразделения, Центральный статистический комитет и Департамент духовных дел, занимавшийся вопросами различных отечественных и зарубежных конфессий [23, л. 1]. Заключения ведомства такого рода составлялись, как правило, с их участием.

Февральский переворот 1917 г. и ломка установившихся государственных отношений с некоторыми регионами и иноэтническими сообществами побудили входивших в Племенную комиссию отечественных ученых расширить объем решаемых задач и незамедлительно приступить к подготовке комплексных материалов о «племенном составе» и исповедной принадлежности населения России в целях преодоления кризиса [19, л. 27–27-об]. В регламентирующую документацию комиссии вносятся поправки, учитывающие изменения: «Все эти материалы предназначаются ныне прежде всего для Учредительного собрания, которое… будет нуждаться в авторитетных данных… при решении сложных национальных вопросов и при рассмотрении различных… требований отдельных национальностей. Особенно велика потребность в научно обоснованных, точных и объективных этнографических картах… при установлении целесообразности границ территориальных областей… при выработке общегосударственных мероприятий» [22, л. 2].

Обстоятельства революционного времени в 1917 г. заставили и Министерство внутренних дел проводить сбор сведений о народах российских окраин систематически. Но выполнение столь масштабной задачи в короткие сроки было ему одному не под силу. Поэтому возникла настоятельная необходимость согласовать мероприятия этого ведомства с деятельностью Племенной комиссии Академии наук и по возможности опираться на полученные ею результаты, тем более что их цели на этапе сбора подобных сведений во многом совпадали. Для организации же собственных мероприятий на этом направлении, в чем также существовала огромная потребность, и руководства ими Министерство внутренних дел вскоре после февральского переворота приступило к созданию особого национального отдела, в ведение которого вменялось «собирание, систематизация и изучение материалов по национальному вопросу для Всероссийского Учредительного собрания» [24, л. 1].

Специализированный отдел для изучения национальных требований в составе Министерства внутренних дел был создан лишь в сентябре [25, л. 5]. Тогда же он приступил к сбору сведений о национальных движениях [24, л. 1]. Религиозная тематика в связи с произошедшими переменами в качестве важнейшего для государства приоритета уже не фигурировала. Потребность в ней, как можно судить по скорректированному государственному заданию Племенной комиссии в 1917 г., несколько ослабевает. В октябре национальный отдел Министерства внутренних дел на основе разработок Племенной комиссии Российской академии наук начал готовить издание этнографических карт и

пояснительных записок к ним, куда должен был войти и собранный материал по Северному Кавказу [23, л. 1]. Завершить эту крайне важную для будущего работу на том этапе не удалось. Комиссия по изучению племенного состава населения России выпускала о своей деятельности информационные брошюры, отображавшие в том числе данные по ряду аспектов религиозной специфики.

Результаты исследований по Кавказу, осуществлявшихся в предшествующий период по государственному заданию, порученному Племенной комиссии, а также при подготовке необходимой информации для Учредительного собрания в 1917 г. публиковались и в период гражданской войны. Несмотря на сложную обстановку, российские ученые продолжали начатую ранее работу. Об этом свидетельствуют, в частности, протоколы заседаний привлекавшихся к ней ученых. Под рубрикой «Российская Академия наук.

Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России» через непродолжительное время начала выходить серия публикаций. На продолжение соответствующих исследований указывают и формулировки тем других издававшихся им обобщений собранных материалов. Выполнение же заданий, как задумывалось тогда, должно было способствовать сохранению целостности России. Расширены были также представления и об отечественном мусульманстве, хотя в период революционного кризиса и гражданской войны неоднократно обнаруживался и недостаток соответствующих знаний. Участниками событий отмечалось это и по Северному Кавказу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. VII (т. 13–14). История России в эпоху преобразования / С. М. Соловьев. – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1962. – 695 с. – Текст : непосредственный.

2. Шафранов, В. П. К вопросу о формировании адыгейской социалистической народности / В. П. Шафранов. – Текст : непосредственный // Из истории партийной организации Адыгеи : сборник статей. – Ростов н/Д. : РГПИ, 1976. – С. 19–57.

3. Ладыженский, А. М. Адаты горцев Северного Кавказа / А. М. Ладыженский ; подг. текста и коммент. И. Л. Бабич. – Текст : непосредственный // Южнороссийское обозрение. Вып. 18. – Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – 220 с.

4. Шукуров, Р. По дороге в Индию / Р. Шукуров. – Текст : непосредственный // Родина. – 1995. – № 10. – С. 30–33.

5. Россия. Энциклопедический словарь (Б/и.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон; СПб., 1898). – Л. : Лениздат, 1991. – 922 с. – Текст : непосредственный.

6. Бартольд, В. В. Ислам. Культура мусульманства / В. В. Бартольд. – М. : Юрайт, 2018. – 221 с. – Текст : непосредственный.

7. Валиханов, Ч. Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5 / Ч. Ч. Валиханов. – Алма-Ата : Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – 528 с. – Текст : непосредственный.

8. Валиханов, Ч. Избранные произведения / Ч. Валиханов ; вступ. ст. А. Х. Маргулана. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – 414 с. – Текст : непосредственный.

9. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М. : Мишель и К°, 1994. – 512 с. – Текст : непосредственный.

10. Валиханов, Ч. Ч. Страна шести городов. Дневник путешествия на Иссык-Куль / Ч. Ч. Валиханов. – М. : Э, 2017. – 448 с. – Текст : непосредственный.

11. Матвеев, В. А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / В. А. Матвеев. – 2-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д. : Омега Паблишер, 2012. – 560 с. – Текст : непосредственный.

12. Миллер, Б. В. Из области обычного права карачаевцев / Б. В. Миллер. – Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. – 1902. – № 1.

13. Эсадзе, С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2 т. Т. 2 / С. Эсадзе. – Тифлис : Типография «Гуттенберг», 1907. – 310 с. – Текст : непосредственный.

14. Письма о Магометанстве. – СПб. : В типографии III Отд. Собст. Е.И.В. Канцелярии, 1848. – 159 с. – Текст : непосредственный.

15. Брокгауз, Ф. А. Россия. Иллюстрированный энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М. : Эксмо, 2007. – 704 с. – Текст : непосредственный.

16. Гаспринский, И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина / И. Гаспринский. – Текст : непосредственный // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. – М. : Наука, 1994. – 332 с. – С. 257–259.

17. Записка П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу», 15 января 1911 г. – Текст : непосредственный // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.) : сборник материалов / сост. и авт. вступит. ст., предисл. и коммент. Д. Ю. Арапов. – М. : Наталис, 2006. – 480 с. – С. 313–347.

18. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. – СПб. : Государственная типография, 1913. – 36 с. – Текст : непосредственный.

19. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. – Текст : непосредственный.

20. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1339. – Текст : непосредственный.

21. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1945. – Текст : непосредственный.

22. Государственный архив Российской федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1303. – Текст : непосредственный.

23. Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ). Ф. 13. Оп. 11. Д. 332. – Текст : непосредственный.

24. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 4. Д. 2. – Текст : непосредственный.

25. ГАРФ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 434. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Solovyev S.M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen [History of Russia since ancient times]. Moscow, Publishing House of Socio-economic Literature, 1962, vol. 13–14. 695 p.

2. Shafranov V.P. To the question of the formation of the Adygei socialist people. Iz istorii partiynoy organizatsii Adygei. Sb. statey = From the History of the Party Organization of Adygeya. A Collection of articles. Rostov-on-Don: RSPI, 1976. Pp. 19–57. (In Russian).

3. Ladyzhenskiy A.M. Adata of the Gortsy of the North Caucasus. Yuzhnorossiyskoye obozreniye = South Russian review. Rostov-on-Don, Publishing House of NSSC HS, 2003, iss. 18. 220 p.

4. Shukurov R. On the way to India. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal «Rodina» = Russian historical magazine “Rodina”, 1995, No. 10, pp. 30–33. (In Russian).

5. Rossiya. Entsiklopedicheskiy slovar' [Russia. Encyclopedia]. Brockhaus and Efron. L., Lenizdat, 1991. 922 p.

6. Bartold V.V. Islam. Kul'tura musul'manstva [Islam. Culture of Islam]. Moscow, Yurayt Publishing House, 2018. 221 p.

7. Valikhanov C.C. Sobraniye sochineniy v pyati tomakh [Collected Works in Five Volumes]. Alma-Ata, Main Editorial Office of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1985, vol. 5. 528 p.

8. Valikhanov C.C. Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]. Moscow, Main Editorial Office of Eastern Literature, Nauka Publishing House, 1986. 414 p.

9. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. Moscow, “Michel and Kº”, 1994. 512 p.

10. Valikhanov C.C. Strana shesti gorodov. Dnevnik puteshestviya na Issyk-Kul' [The Country of Six Cities. Diary of a Journey to Issyk-Kul]. Moscow, Publishing House “E”, 2017. 448 p.

11. Matveyev V.A. Rossiyskaya universalistskaya transformatsiya i separatizm na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.) [Russian Universalist Transformation and Separatism in the North Caucasus (2nd half of the XIX century – 1917)]. Rostov-on-Don, Omega publisher LLC, 2012. 560 p.

12. Miller B.V. From the field of Karachaevs customary law. Etnograficheskoye Obozreniye = The Ethnographic Review, 1902, No. 1. (In Russian).

13. Esadze S. Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom [Historical Note on the Management of the Caucasus]. Tiflis, Printing House “Guttenberg”, 1907, vol. 2. 310 p.

14. Pis'ma o Magometanstve [Letters about Mohammedanism]. Saint Petersburg, 1848. 159 p.

15. Brockhouse F.A., Ephron I.A. Rossiya. Illyustrirovannyy entsiklopedicheskiy slovar' [Russia. Illustrated encyclopedia]. Moscow, Eksmo Publishing House, 2007. 704 p.

16. Gasprinsky I. Russkoye musul'manstvo. Mysli, zametki i nablyudeniya musul'manina. V poiskakh svoyego puti: Rossiya mezhdu Yevropoy i Aziyey [Russian Islam. Thoughts, Notes and Observations of a Muslim. Searching Your Way: Russia between Europe and Asia]. Moscow: Publishing House “Nauka”, 1994, part 1. Pp. 257–259.

17. Note by P.A. Stolypin on the “Muslim issue”, January 15, 1911. Imperatorskaya Rossiya i musul'manskiy mir (konets XVIII – nachalo XX v.). Sbornik materialov = Imperial Russia and the Muslim world (late XVIII – early XX century): Collection of materials. Moscow, Publishing house “Natalis”, 2006, pp. 313–347. (In Russian).

18. Vsepoddanneyshiy otchet za vosem' let upravleniya Kavkazom general-ad’yutanta grafa Vorontsova-Dashkova [The Comprehensive Report for Eight Years of Managing the Caucasus by Adjutant-General Count Vorontsov-Dashkov]. Saint Petersburg, State Printing House, 1913. 36 p.

19. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. Fund 970, inventory 3, case 1115.

20. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. Fund 970, inventory 3, case 1339.

21. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. Fund 970, inventory 3, case 1945.

22. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund 1779, inventory 1, case 1303.

23. Tsentral'nyy istoricheskiy arkhiv Gruzii [The Central Historical Archive of Georgia]. Fund 13, inventory 11, case 332.

24. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund 1788, inventory 4, case 2.

25. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund 6, inventory 2, case 434.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Мусульманство на Северном Кавказе: осмысление в контексте отечественного востоковедения и его направленности в начале XX в. / В. А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4. – С. 62–74.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveyev V. A. Islam in the North Caucasus: Comprehension in the Context of Russian Oriental Studies and Its Focus in the Early 20th Century / V. A. Matveyev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 4, pp. 62–74. (In Russian).